

18+

Светлана (Лана)
Макаренко-Астрикова

ПАСТОРАЛЬ
ПТИЦЕЛОВА

Киммерийская повесть

Светлана (Лана)
Макаренко-Астрикова

**Пастораль Птицелова.
Киммерийская повесть**

«Издательские решения»

Макаренко-Астрикова С.

Пастораль Птицелова. Киммерийская повесть / С. Макаренко-Астрикова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517022-4

В новой книге Светланы Макаренко-Астриковой вы встретите персонажей, которые могут в одно мгновение ошеломить и очаровать ваше воображение, смутить его и даже слегка испугать. Действие повести происходит в наши времена, но судьбы героев, их поступки, их мысли словно протягивают нити из прошлого в настоящее, прочно связывая времена.

ISBN 978-5-00-517022-4

© Макаренко-Астрикова С.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Глава первая	6
Глава вторая	8
Глава третья	10
Глава четвертая	13
Глава пятая	15
Глава шестая	17
Глава седьмая	18
Глава восьмая	20
Глава девятая	25
Глава десятая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Пастораль Птицелова Киммерийская повесть

Светлана (Лана) Макаренко-Астрикова

© Светлана (Лана) Макаренко-Астрикова, 2020

ISBN 978-5-0051-7022-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

@ В этой книге полностью сохранены авторский стиль, правка, а также разбивка на главы, авторские примечания и сноски.

@ Автор несет также полную ответственность за все фотоматериалы и иллюстрации, опубликованные в этой книге.

@ Автором использованы уникальные фотоматериалы из личной коллекции и домашнего архива семьи.

@ Автор выражает глубокую признательность Владиславу, Сюзанне и Надежде Радыгиным, (Новосибирск).

И особенно – Маме – Макаренко Татьяне Агафоновне, а также :

Инне Олеговне Филипповой (Санкт Петербург), официальной группе памяти Дмитрия Александровича Хворостовского в «Контакте»,

Дмитрию Крикунову (Воронеж).

Марине Миртаевой (Москва), Ирине Гждеу (Утицких) – (Воронеж), Ларисе Владимировне Мещеряковой (Пенза), Дмитрию Воденникову (Москва), Антону Лодзиевскому (Франция), Ирине Че (Арбеевой) (Курск), Ларисе Коневой (Волгоград), Алле Шаровой (Нижний Новгород) – за предоставление фотоматериалов и консультаций во время долгой работы над этой книгой...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*...Памяти моего деда, Михаила Семеновича Астрикова, и славному и достойному, но почти исчезнувшему в пыли расстрелов и репрессий, смуты и войн, фамильному дереву моей семьи: Макаренко – Астриковых, Гнездиловых и Сысоевых, посвящается.
Светлана Макаренко – Астрикова.*

Глава первая

Торопился, шипел поезд, пугал состав, вагон, перрон, рельсы, на этой черной платформе, что то отражалась в скользко – мраморных плитах вокзала, мертвенный свет, запахи, чужие, их было много, целые мириады, они заполняли голову, как ватное облако, лезли в душу, будоражили, выворачивали ее, тормозили, раскрывали, будто бы конверт.

Она вошла в купе, закрыла за собой дверь и медленно сползла прямой спиной на дешевое, вытертое, серое покрытие... Все. Все кончено. Кажется, ей удалось. Она убежала... От него, от них. От прошлого.

И что – то уже можно будет начать с чистого листа и написать чистую страницу... Нарисовать... Пропеть.

Поезд тронулся. Вагон медленно качался, плыл вдоль перрона, она зажмурила глаза, чтобы не видеть пропасть грифельно – черных проталин и серого неба за окном... Жалюзи закрывались плохо, но она все же сумела опустить их. Вены на руке чуть набухли. Чемодан все – таки был весьма тяжел, а она ведь взяла только самое необходимое: смену белья, что – то из косметики, почти ненужное, томик Экса, кашемировый плед и крохотного коричневого мишку с алой лентой – бантом на шее и сердечком в лапах.

«Дура! Нашла, что схватить». – Она усмехнулась самой себе и больно закусила губу, до крови, так что рот искривился. Да. И еще два нотных клавира...

Одно из них средневековое, лютневое, другое – барокко Антонио Сальери, из тех, что исполняла Чечилия Бартолли. Из нее Чечилии не выйдет, теперь глубоких нот в горле нет, один клёкот... Она вдавила позвоночник в потертый плюш диванчика, смежила веки, потом нажала на глазные яблоки всей ладонью. Радуга вспыхнула перед внутренним взором и тотчас погасла. Дверь купе отворилась со скрежетом. Она с досадой открыла глаза, наклонив голову к подбородку. На пороге стоял мальчишка, ярко – рыжие вихры оттеняли глубокую синеву одного глаза, и зеленый омут другого, потёртую, солёную рваность джинсов, и алость розы, которую он держал в правой руке, левой прижимая к своему боку сиреневый кофр на длинной ручке. Дорогая замша по бокам кофра слегка потерлась.

– Привет! – медленно, словно раскачивая буквы во рту, проговорил юный пассажир. – Это триста сорок пятое купе, места третье и четвёртое. так?

– Так. А ты что, один едешь? – Она смотрела на мальчишку с разными, волшебными глазами. Огонь его вихров, казалось, заливал все купе, как солнце. Но веснушек на носу не было.

– Нет, с отцом. Он там, у проводника. Постель получает. А Вы что, плакали? – Паренёк внимательно смотрел на нее, чуть склонив голову на бок, похожий на диковинную птицу. – У вас глаза красные.

– Нет, – Неуверенно протянула она. – Нет. Я просто надавила на веки. Глаза устали...

– Возьмите, вот? – Мальчишка протянул ей розу. – Понюхайте. От аромата сразу все огорчения улетят, это точно. Па для мамы купил, но она не пришла. Опять забыла, наверное,...

– О чем забыла?

– Ну, что я к бабуле еду... Мы, то есть. Я и па...

В купе вошел, стремительно и слегка запыхавшись, высокий человек в черной шинели, с петлистой эмблемой ракетных войск на погонах. Он был еще молод, но странно, как то насто-раживающе и полно – сед, ладно скроен, широк в плечах. Его не портил даже небольшой шрам над виском. И чем то военный был неуловимо похож на сына. Золотистой искрой в глазах? Теплом улыбки? Едва заметной. Не по рангу. Отпускной? Отставной? Она не решилась гадать.

– Арсений, ты что, опять копаешься! – беззлобно заворчал он, протягивая сыну сверток с постелью. – Добрый вечер! Соседями мы Вам не помешаем?

– Нет. Я-то же самое могу спросить и у Вас. – Она слегка растянула губы в улыбке. И налила воду из графина в высокий стакан, осторожно поставив в него розу. Будто бы макнула цветок. И удивилась самой себе, так медленны были все движения. Все тело болело, словно после удара. Или падения с высоты... Но Дмитрий, он ведь не дотронулся до нее. Он просто размахивал руками. Или же он все-таки ударил ее? Она не помнила... Не могла вспомнить. Втянула голову в плечи. Непроизвольно. Приложила ладони к щекам. Щеки горели, но оставались белы, как снег. Она потянулась к сумке – саквоюжу, вытянула из нее плед, накинула на плечи.

– Вам нездоровится? Устали? У нас с Арсением Ивановичем чай горячий в термосе имеется. При температуре это как раз – первое средство.

– Вас как зовут?

– Марина, – тихо прошептала она пересыхающими губами, упираясь затылком в плюш диванчика. Тело нестерпимо горело, ломало плечи и спину. Она не понимала и не помнила – почему.

– А я – Иван – Пассажир чуть встряхнул ее ладошку, тут же деловито окидывая взглядом купе, окно, и поднимая наверх сиреневый кофр. – Давай – ка, Сень, быстро, по-солдатски, стели – ка все, видишь, человеку неможется....

– Я сама, сама! – Она осторожно отводила руки незнакомца, снимающего с нее сапожки, и кутающего ее в скользкий кашемир.

– Сами все успеете еще... Он осторожно протягивал ей чай в узком бокале, без ручки. Фарфор был горячий. Такой горячий, что подушечки пальцев немели. – Пейте, пейте, что Вы!

...У нее отчаянно кружилась и пылала в огне голова, жаром томилось тело, особенно – руки в кистях, будто бы их выкручивали, и тонко, жалящее, выпевалась в середине горла одна высокая нота, как в россиниевской арии Розины.. Она ее не очень любила, эту арию, казалось всегда, что мало в ней мягкости, все больше тяжелых для нее, капризных нот... Довлеющих, давящих. Но теперь ноты и звуки рвались ввысь и вверх, и она выпустила их словно птиц из клетки. Ее невольные слушатели, новоявленные знакомцы, ошеломленно замерли, а роза качнулась в стакане, развернув лепесток, будто ладошку для аплодисментов. Она, краем души, понимала, что надо бы остановиться, но не могла. Звуки лились и качались, и окутывали, дрожанием, и от них становилось странно, пьяняще тепло.

Глава вторая

...Вагон все мчался и мчался вперед. Не плавно, то рывками, то – ползком Или ей так казалось? Тарелка чуть съезжала, и она осторожно отодвигала ее от себя. Потом грела в ладонях вилку, вертя черенок, следя за официантом, носящимся по ковровой вытертой дорожке мимо них, туда – сюда. Он косил глазом, как норовистый конь, ноздри трепетали, отрывал руку от подноса, закидывал чёлку, еле слышно дрожали стаканы, бокалы, рюмки, но их двоих, диалог их, он будто бы и – не слышал, только все время напряжено и тонко что то пело в воздухе, какая то нота, как пчела..

Фиоритура, форшлаг.. Все это просилось в чистую нотную тетрадь, как и его баритон. А он рассказывал, негромко, тепло, без надрыва, спокойно смотря в ее лицо...

... – Ну и вот, мы с Арсением очень любили бродить там и собирали хворост, костры, грибы, все такое, а Соне это не нравилось, она предпочитала заграничные пляжи: Египет, Турция..

Там ей казалось спокойнее, изысканнее, что ли, как она говорила... Она иногда мне напоминала сонную ящерицу. Знаете, такая, – Он шелкнул пальцами в воздухе, щепотью. -Любит греться на солнцепеке, и глаз не открывает. Мамой была избалована, макарон сварить не умела, простейшего не знала, всему – училась. И – нехотя, а играла на своей скрипке, как тот Альберт¹ у Толстого, помните?

– Да! – она, широко раскрыв глаза, посмотрела на него, еще чуть дальше отодвинув тарелку. Она не ожидала, что он скажет так. Что он знает это сравнение... Эту вещь у Толстого.

– Когда Сонечка играла, как только начинала играть, я сразу прощал ей все: все ошибки, и прошлые, и будущие, и неуютность в доме поначалу, и капризы, и голодность мою, частую... Мне нравилось в ней все тогда, и – безоговорочно. У нас в доме часто собирались ребята из части – послушать ее игру.

Она пекла оладьи, заваривала чай, дымный, с травами, шалфеем. Засиживались за полночь, заслушивались. И луна росла в окнах. И душа.

...Когда родился Сеня, то все как то стало сглаживаться, но она рвалась на гастроли, в этот ее ансамбль, в котором выросла, в который вжилась, с детства почти. И я отпускал, лишь бы она не тосковала, не грызла ногти, не плакала по ночам... Она научилась шить, и много шила: скатерти, белье и шторы подругам, себе, простые, льняные, шелковые сарафаны.. Мне они нравились, ей тоже, она в них выступала. И на гастролях и концертах, в местной филармонии... А потом, потом. Случилась на гастролях однажды... Москва, и она не вернулась. Подписала контракт с новым ансамблем скрипачей. С новой жизнью. Я ее и не удерживал. Сеню она оставила мне... Получилась почти что – красивая история, без дразг и обид...

Вот, только жиль, что на Сеню она вполглаза смотрит, ведь тот ее обожает. Правда, когда хотели его музыке учить, он наотрез отказался. Сказал, что тогда сломает себе все пальцы по очереди. Как-то так. Ему было пять тогда. Теперь девять. Живем вдвоем. Едем на осенние праздники к бабушке. Соня тоже гостила здесь, у подруги, с новым мужем, обещала прийти и проводить нас, он все глаза проглядел... Забыла...

¹ Альберт – персонаж повести Л. Толстого «Альберт» (Люцерн) – гениальный полусумасшедший музыкант – скрипач – импровизатор.

– Как же это? – Она удивлённо взмахнула ресницами, кашлянула тихо. Горло саднило, но болело уже меньше. Должно быть, от выпитого вина. Опомнившись, что спросила недозволенное, слегка смущённо коснулась плеча Ивана.

– Простите ей. Наверное, не со зла она. Что – то помешало... И меня простите. Мне не надо было спрашивать Вас.

Ничего особенного. – улыбнулся попутчик – Вы что-то мало ели... Расскажите о себе?

– Да? Вам разве интересно будет? – Она зажмурила глаза, выдохнула. – У меня и история не такая красивая, как у Вас... Тревожная, непонятная... Я ее и сама понять до сих пор не могу... – Она сжала пальцы в кулак, разжала, расправила ладонь на скатерти.

– Вы расскажите, Марина, в двух словах... Может, лучше станет Вам, легче? Вдруг? Со случайными попутчиками как-то все проще, – успокаивающе пробасил он, а ей вдруг подумалось, с отчаянной ясностью, молниеносно, как это иногда бывает, подумалось, представилось, и захотелось тотчас же сказать ему, что он – не чужой, не посторонний а какой то волшебный теплый и понятный, и что внутри его души можно смотреть, как в прозрачную, морскую, таинственную, сверкающую гладь, все смотреть, постигать и вдыхать, без конца, не постигая...

Глава третья

– Опять задумалась? И о чём же это, Мариш? — Загорский бесшумно возник позади, обнял, охватив цепким кольцом плечи, и тотчас же, резко, абрекски, по разбойничьи, вдавил шею, горло в скользкий кашемир своего полуфрака, остроту локтя. — Дивам вредно думать. Им лучше ноты повторять.

– Я повторяю, – прохрипела она с тихой яростью, задыхаясь, качнувшись вперед всем корпусом, пытаясь вырваться. – Пусти, задушишь!

– Да? Повторяешь? Вдохнула фиоритуру? Расчертишь нотами? Что – то не верится. – Он резко развернул ее за плечи лицом к себе и вдруг... ударил коленом в пах, прямо в середину лона, в бархат платья. От боли она прикусила губу и едва не упала, уткнулась лбом ему в живот, запуталась в тяжести ткани, гладкой, пахнущей старой карамелью и шоколадом.

– Пусти! Зверь! – Ты что?! – Она яростно выплюнула куда-то в ворс, в ковер пыльной, плюшевой гримерной кровавый сгусток – Что тебе еще нужно от меня? Чтобы я не могла совсем петь? Чтобы брала на октаву ниже, и ты царил на сцене, финикийский петух?

– Мне нужно, чтобы ты и на йоту малейшую не подпускала его к себе, тварь, запомни, увижу рядом, убью...

– Да не нужен ему твой Вивальди, плевал он на старые, прожженные ноты, не станет их расшифровывать, там почти все истерлось, скоро рассыплется... Как ему их прочесть? По наитию, что ли?! Не у всех же есть такой нюх на звуки, как у тебя! Фу- уу! – шумно и больно выдохнула она. Колени подогнулись, и Марина без сил упала на потертую, хлипкую банкетку, стараясь не смотреть на него. Страх и боль, одновременно, жаром разлились по телу и совершенно холодно, ясно и четко она вдруг подумала, что никогда не сможет иметь ребенка, родить его. Это была ее тайная и страстная мечта, но мечта была – бесполезна. И она была не Ассоль, увы! Совсем не Ассоль.

– Они же стоят миллионы евро, эти ноты, дура! – Яростно прошипел Загорский, и дернул вверх мощным подбородком, чуть выкатив глаза, яростно блестя белками и встряхивая картинно белыми локонами, до плеч. Он гордился своей натуральной сединой, естественной, почти что с молодости... В нем, и вообще, было много естественного, ошеломительного, покоряющего, властно, стремительно и яростно, но он с юности так барственно и отстраненно преподносил себя, что всем казалось, что он – превозносится, и вокруг него, при всей шумной и терпкой славе первого баритона – солиста областной филармонии, мецената, коллекционера, ценителя редкостных книг, нот и арий, мгновенно очертился сияющий круг пустоты, холодной, чуть насмешливой и брезгливой.

Теперь в этот замороженный круг бесшумной поступью, властно входила и ее ненависть, вспыхнувшая полно и высоко, как пламя из столь же безоглядной, любопытной влюбленности. Тогда, давно он чаровал ее мощью своего баритона, небрежным изыском манер... Он не был скупым, не считал чаевых, не глядя бросал на стол – купюры, себе на локоть – ее слегка потертое манто, мимоходом запомнил, насмешничая, все ее привычки и оттенки вкуса.

И Марине сначала нравилась эта странная, чуть брезгливая, насмешливость, она старалась попасть ему в тон, улыбалась растерянно и иногда – невпопад.

Но, со временем, постепенно все в нем стало ее раздражать, исподволь, накапливаясь, бурлило, как подземный ручей, перекат, речной омут. Так бурлило, что иногда начинало сводить скулы, сосать под ложечкой, колоть в горле. Она тщательно полоскала горло, показывала самой себе в зеркале язык, смеялась до хрипоты и слез, щипала себя за щеки, часами расчесывала волосы, рискуя разбить массивной расческой зеркало, едва лишь она замечала в зеркале этом его силуэт... Они жили вместе еще только год или полтора, а ей казалось вечность

и, во время его распевов по утрам, ей хотелось вскочить с постели и заткнуть ему рот чем угодно: платком, ладонью, кулаком, шарфом, плевком, лишь бы не слышать мощных, раскати-стых рулад, напыщенно – холодных, не греющих, ни сердце, ни воображение, ни душу...

Она нарочито часто и неловко роняла на пол сцены букет, предназначенный ему, если они пели в дуэте, ее просто тошнило от запаха красных роз, которые он обожал, лепестки облетали и мялись, его взгляд – леденил, не смягчаясь ни густой тенью ресниц, ни изыском манер, ни широкой, оболстительной улыбкой. Он наступал на ее платье, вспыхивал, откидывал серебристые волосы со лба, улыбался, выламывал ее руку, высоко поднимая запястье до своих губ. Публика бушевала, ликуя, сотрясая хрусталь театральных люстр овациями.

Они оба так блистательно, остро, тонко разыгрывали страстную пару, что никто не мог поверить в обман. Даже их близкие друзья, картежник, первая скрипка оркестра, страстный пьяница и виртуоз высоких нот, Антон Черешнев, его вечная, блудливая пассия, все неизменно прощающая ему, близорукая и рассеянная Любушка Карсавина, гримерша, сиплая хохотушка и сплетница, Полина Гарина, то и дело замазывающая синяки на плечах и шее Марины. Спину и живот Марина ей старалась не показывать.

– Слушай, Сабурова, мы вроде же вчера много не пили? Чего это ты опять вся, как слива? – испуганно и горячо шептала певице в ухо, надавливая на мочку, Гарина... Ты уж аккуратнее как – нибудь... двери не задевай, что ли? Или это не двери? – Тут Гарина подмигивала ей тщательно покрашенным правым окном... – Да, ладно, чего краснеешь то? Сами бывалые, знаем... Завидую я тебе, Маришка... Ну, ты ему там шепни на ушко так, чтобы тише как то, а то тонального и тоника не напасешься...

Она могла лишь рассеяно улыбнуться в ответ. Узкой улыбкой. Едва растянув губы. Широко улыбаться было нельзя. Холод заползал в середину сердца. Мешал дышать. А не дышать она не могла. Тогда умирали ноты.

...Когда он ударил ее впервые? Она не помнила. Отлетая спиной в угол комнаты с высоким зеркалом в червленой, старинной, резной раме, думала лишь о том, чтобы миновать виском острое чугунное ребро радиатора. За окном, в дожде, алела и мокла рябина. Была ранняя, пылающая багрянцем осень. А под нею, на ковре, еще час, стуктами пульсировала кровь. То, что должно было стать ее ребенком. Их ребенком.

– Мне не нужны твои вы... ки! – Бесстрастно и холодно прошипел он, держа ее за руку и сжимая зубы в белоснежной улыбке. На его плечах ангельскими крыльями сиял халат. В десяти шагах от кровати стоял усталый врач в измятой, зеленой шапочке и повязке до бровей. Врач было чуть поморщился, удивленно вскинув бровь, но сделал вид, что не слышит ничего. Или он, в самом деле – не расслышал, проворно и ломко опустив в карман куртки голубовато – хрустящий конверт, протянутый Загорским? Марина представила на миг, что купюры в нем, конверте, похожи на птиц, у которых подрезаны, обломаны крылья, и неожиданно – улыбнулась, потому что внутри у нее вдруг зашевелилась и зазвучала эта странная, светлая моцартовская мелодия, хрустальное безе Птицелова.

Загорского она про себя тоже звала так: «Птицелов», Только про себя! Птицелов в холодной, черной маске из шелка. За которой не было видно глаз. Или эта была гипсовая баута? Она не могла сказать точно.

Просто взяла две верхних ноты из арии, тихо и внятно пропела их. И отвернулась к стене... Следующие два дня она ни с кем ни говорила и отказывалась даже пить, а через неделю у них с Загорским уже был концерт в Варшаве... И опять оседала хрустальная пыль с подвесок люстр, овации разламывали надвое зал оперного театра, опадали капельками крови лепестки роз, и качались за окном, в нежном мареве дождя, золотистые листья кленов...

А внутри нее зияла, росла и ширилась огромная черная дыра боли, холода, пустоты.. Отчаяния. Для которого не было нот. Не было! Но никто не мог догадаться об этом... Никто. Ведь для нее, Марины Сабуровой, всегда, всегда были покорны все восемь нот. И еще две – сверху. Полная октава и нежный « поцелуй Бога в темя», как восторженно писали о ней в газетах... Правда, она не читала их! Никогда. Их, насмешливо фыркая, в пьяном безумии цитировал Загорский, тщательно и бесшумно избивая ее в очередной раз, в бархатно – лиловом номере венской гостиницы, на широкой кровати. Зажав ей рот ладонью, чтобы она не могла кричать...

Глава четвертая

– Ну, знаешь ли, Марина, – прохладная щепоть длинных пальцев Галины Германовны властно коснулась подбородка озябшей ученицы и затем резко повернула ее лицо в профиль. От неожиданности Марина сдавленно застонала. Было немного больно. Заныла скула.

– Тебе не нужна много макияжа. У тебя тонкое лицо, волосы украшают его непокорностью, линия шеи в меру длинна, в меру...

И тут Галина Германовна саркастически усмехнулась, глаза ее чуть насмешливо блеснули. – Как у моего Гранда. Гранд, ко мне! – Венявская властно похлопала себя по бедру, потом пошевелила узкой кистью в воздухе, чуть растопырив пальцы с яшмовыми и бирюзовыми перстнями на них. Палево – белая борзая, подошла тотчас же, стуча когтями о паркет и чуть заметно виляя хвостом. Легла у ног хозяйки, нервно кося влажным глазом, и Марине вдруг пронзительно подумалось, что она и сама чем то похожа на эту борзую. Ей двадцать, студентка – консерваторка, едва вернувшаяся с каникул в приморском городке, где давно жили мать и отчим... Не вернувшаяся, если уж честно говорить, а сбежавшая...

Невыносимо ей было смотреть, как ежились плечи матери под пристальным, хмурым взглядом отчима, как вечерами, старательно, будто школьница, мать выписывала и рассчитывала все скромные дневные расходы в зеленую коленкоровую тетрадь, а потом показывала их ему, поясняя что-то приглушенным, потухшим голосом. А отчим хмурился и кашлял глуховато, искоса поглядывая на нее сквозь очки...

Потом брал у нее из рук тетрадь и что-то в ней перечёркивал красным карандашом, качая головой и цокая языком. Выдавал на расходы вдвое меньше, они с матерью ели на завтрак хлеб с маргарином, маргарин тускло таял, так водой по кусочку ржаного хлеба едва попав под лучи жгучего южного солнца. Сливочное масло и тонкие кусочки «докторской» на завтрак подавались лишь ему, Ва – ди – му.. Именно так, по слогам, распевно, затаив дыхание, произносила мать его имя. Роняя иглу, отстраняясь от вышивания или книги, едва слышав в прихожей его шаги или плавный, неспешный щелчок ключей в замке. Огромная квартира главного хирурга военно – морского госпиталя сверкала паркетом, хрусталем и фарфором, все в ней хрустело, крахмально и терпко, горько звенело, скрипело и трепетало, как кровать в огромной спальне за запертой дверью, каждый глубокий час ночи. У Марины сводило судорогой рот, Ее едва не рвало, когда она пробежала мимо этой полированной, гнутой инкрустациями, двери ночью в ванную.. Утром на кухне, мать и дочь стыдливо прятали друг от друга глаза, Марина торопливо доедала персик или кусочек груши прихлебывая жидким кофе с одной ложкой сахара, и бежала, мчалась, просто – летела к морю, фонтанам, берегу, улицам, бухте, очертаниям скал...

Но вытерпела она у моря лишь неделю, жалкую, наполненную солеными брызгами волн и слезами по ночам, скрытыми, горящими где-то в горле. Ей было нестерпимо жаль мать, но уж лучше – под крыло Галины Германовны или в общежитие консерваторское, в смех соседки по комнате, Даши Сторцевой, флейтистки, обожающей джаз, и то и дело зазывающей Марину в кафе, где звучала эта странная серебряно – томительная, как летний дождь, музыка...

– Ну что ты, ну что ты, Вадим же очень хорошо ко мне относится, что ты выдумала себе, зачем?! – горячим шёпотом оправдывалась мать, торопливо целуя ее в ухо и шею на вокзале, а Марина только видела отчётливо и ясно, как багровел синяк под ее левой мочкой, прикрытый завитком, наливался, словно спелая слива, надкушенная грубым ртом...

Мать что-то украдкой, потерянно и пугливо совала в ее руку. Несколько скомканных купюр... Позже, в купе, Марина небрежно уронила их на дно чемодана, потом неловко протянула Галине Германовне, шлепая босыми ногами по паркету в свою комнату...

Да, в большой квартире Галины Венявской, которую она про себя звала просто: Германовна, - бывшей примы областного театра у нее, Марины -ученицы, была своя комната, с большим портретом пленительно некрасивой женщины с нервным ртом и горящими углями – глазами, в цвет смоляных кудрей по плечам, («германовской» прабабки, певицы, отравившийся в Италии из —за несчастной любви!) бежевым ковром с чайной розой в середине, мебелью красного дерева: большим трюмо у стены, во весь ее хрупкий девичий рост, с круглым ломберным столиком, с выдвижными ящиками и узким диванчиком, на котором она спала, по – спартански, по утрам пряча постель в зеркальный стенной шкаф, в пространстве между кухней и ванной. . . Она и жила у Германовны, по спартански, пряча между нотными тетрадями томики Саган, Экзюпери или Цветаевой, обливаясь по утрам прохладной водой, замолкая после шести вечера, делая гимнастику для горла в обед. . . Вытаскивая ломберный столик в гостиную по воскресеньям. Ближе к полуночи в доме Венявской появлялись гости, ценители тонких вин, крепкого кофе и игры в покер. . . Они играли так яростно, что царапали мелками сукно, поверхность стола, а потом Марина, не менее яростно, полировала его. Вплоть до следующего воскресенья столик одиноко и горделиво украшала роза, еловая, ветка или соцветие фиалки. . . Внизу, на бархате сукна, робко покоились нотные листы с пометками терций, которыми ежедневно должна была терзать свое горло «непокорная девчонка». . .

Галина Германовна считала именно такой «неуемную дикарку Сабурову», втайне гордясь своей ученицей, но считая совсем преждевременным признавать это. Поощрял непокорность, явно и страстно лишь один гость, с холодным и яростным блеском в глазах – Загорский. . . Он ухаживал за Мариной, не таясь, открыто, как-то по львиному, хищно, но это тогда не насторожило ее. Совсем. Дерзость ухаживаний была так ей по сердцу, так наполняла ее, словно она, нырнув на большую глубину, и тотчас же втолкнувшись с силою, из воды, ощутила сильный ожог в легких, прямо в середине грудной ямки, в сердце. «Удар под ребра!» – бархатно смеялся Загорский.

. . .Когда он впервые ударил ее? Она не помнила. . . Помнила лишь первое с ним свидание с ним, наедине, не на людях, не в парке или в кафе. . . И недопитый кофе, капли его на стеклянном столике, осыпавшуюся розу в вазе. . . Роза всегда была одна, как цапля, как оборванная струна в скрипке, альтово застывшая «в хрустальных переливах». Вот так и она застыла, альтово, когда он впервые вошел в нее, осторожно и мятежно одновременно, заглушив губами возможный стон. . . Но вместо этого она – засмеялась, и он, ошеломленный, сдавил пальцами ее горло так, что заломило виски, и бухнуло, падая куда-то в глубины тела, сердце ее, как птица с подрезанными крыльями. . . Вспыхнули яростным, голубоватым огнём его зрачки, расширились, дико, неудержно, и она мгновенно, повзрослевшей душою поняла что попала в гибельные силки. Бесповоротно. Без шансов взлететь. И ее, никогда и никто не спасет. Но когда Птицелов впервые ударил ее, она не помнила. . . Совершенно.

Глава пятая

Собака, чуть похожая на героев – животных из этой книги. Фото из архива автора. Сентябрь 2020 года.

...Чечелия приснилась ей совсем неожиданно, еще до поездки в Венецию, Задорно улыбающаяся, мигающая обеими глазами, она, надув щеки и вытащив из отворота камзола тугую трубочку нот, перетянутую муаровой лентой с сургучной печатью сердечком, она протянула их ей настойчиво, не просительно. И Марина тотчас проснулась. В дверную узкую щель, пробивался свет. В гостиной Загорский с кем-то оживленно препирался, спорил, вполголоса, но она отлично слышала каждое слово. Баритон властно и сочно, полно охватывал пространство комнаты.

– Я приобрел тут, по случаю, знаете. Старинный список, до конца прочесть не могу, ноты почти что истерлись. Кажется, что-то на три октавы... Высоко...

– Ну так попросите Мариночку. В чем проблема? – мягкий, шелестящий голос, казался удивленным и нетерпеливым, и Марине даже почудилось, что она ощутила жест: будто ладонью воздух резко разрезали. Как слоеный пирог...

– Она же у Вас чудно ноты читает, ей всегда удается! – Аркадий Леонидович Стеблов, коллекционер и сибарит, бывший завлит театра, на персональной пенсии, а это был именно он, любитель старинных трубок и гобеленов, часов и барометров, и заядлый посетитель всех веб – аукционов, вплоть до Сотбиса, тайно, инкогнито, как сластолюбец, жадно впитывающий в себя все извивы и изгибы вещи, как некие желанные тайны прелестного тела, которого жаждут скрыто, с чайнно – трепетным нетерпением, обжигаясь запретным, словно углями костровыми или кипятком...

Марина села рывком в постели. Повела плечами. Ее знобило. Что же ответит сейчас Загорский любителю тайной перепродажи редкостей? Что? Что?! Всего лишь два дня назад Птицелов показывал ей этот странный, истертый почти что в пепел, в палимпсест, старинный свиток, с оборванными углами, исчерканный вдоль и поперек какими то странными значками. Потом заставил копировать его. Она не до конца поняла, зачем. А потом ей приснилась Бартолли. Она протягивала ей тот же самый свиток, только целый, более плотный, шелковистый, приятный на ощупь. Он не рассыпался под пальцами. Не пах мелом. И теперь она, наконец – то, сообразила, зачем так тщательно рисовала ноты... Загорский опять подсовывал Стеблову копию... А оригинал он давно продал в Венеции, странному человеку, с узким, длинным лицом и ядовитыми, ярко – красными губами.

Это была не помада. Губы были словно содранными, искусанными от внутреннего жара. Он ждал их у колонны, в каком-то пропахшем тинной и рыбой закутке длинного, змеистого, протухшего канала... Да, именно – протухшего! В Венеции не пахло шоколадом нигде, кроме пьяццо Сан – Марко. Шоколадом и голубями. Они с Загорским свободно могли позволить себе столик на площади и крохотные чашки жидкого кофе, два узких, длинных бокала вина... Вино было хорошей выдержки, не кислило.. Марина не любила красное вино. Оно слишком напоминало ей кровь... Чаще всего она просто долго вертела бокал в руках, ставила на столик, едва пригубив... Загорский сердито фыркал, искоса взглядывал на нее, швырял на стол чаевые, стремительно вставал. На пьяццо Сан – Марко она долго кормила голубей, они окружали ее плотным кольцом, а она жадно втягивала ноздрями их терпкий птичий запах, касалась пальцами их мягких головок, в которых отдавался ритм жизни, пульс их крошечных сердец... В эти минуты она самой себе казалась похожей на голубя. Кроткого, испуганно – затерянного посреди блестков зеленоватой волны, в сером ожерелье шестисотлетнего камня, в гулком звоне колокола, в бездонности мягко – серого жемчужного неба... Человек с ярко – кровавыми губами на меловом, длинном лице отделился от колонны, молча протянул Загорскому серое портмоне с двумя параллельными замочками, спрятал в борт длинного пальто свиток октав.. Они едва кивнули друг другу... А вечером Птицелов уже горделиво размахивал перед ее носом купчей на виллу в маленьком итальянском городочке, близ Неаполя или Турина. Она не могла вспомнить, где.. Какая, в сущности разница? Ей там не жить все равно... Ей с ним – не жить. Она вдруг осознала это отчетливо в тот вечер. Так отчетливо, что остро кольнуло под лопаткой.

Глава шестая

– Ну, и почему ты сразу от него не сбежала, не ушла, к матери не вернулась?! К чему эта пятилетняя мука была, не понимаю? – с яростным хрипом Иван приподнялся на локте, заглядывая в глаза Марины с такой болью, что ей показалось, что зрачок у него дымится... Зрачок был странный, зеленый, как крыжовник с «чернинкою» внутри. Марина невольно залюбовалась этой дымкою, ежась, и натягивая на себя потертый велюровый плед и осторожно отодвигаясь в сторону на скрипучем диванчике, в чистой комнате с двумя окнами и ореховыми шкафами в простенках...

В приоткрытую дверь было слышно, как поцокала когтями по-старому, почти бумажному, линолеуму, борзая, белая, с серыми, мраморными подпалинами по бокам. Странно, у Ксении Михайловны, матери Ивана, тоже была борзая.

– Тише, тише, ты так Сеню разбудишь! – Марина качнула головой, подняла округло кисти, вынула шпильки из волос – две забытых, и темная копна свободно полилась по плечам... Я не думала сразу... Пела ведь, контракты, концерты. Еще вечное, бабье: надеялась, что одумается он...

– Любила же ты его? – Иван все также шумно дышал, с непонятым, яростным хрипом.

– Я девчонка тогда была. Казалось мне, что, да... Любопытно было все с ним, искры будто горели внутри, пылали, душа горела... Хотелось мир посмотреть. Его друг, директор театра, помог подписать первый мой контракт в Бухаресте, потом в Варшаве, в Афинах... И все – покатило. Маме квартиру купила в Серебрянске, точнее, домик, она там теперь... когда ей уж совсем невыносимо с Вадимом... Я туда хотела сперва уехать, но подумала, что он и там – найдет. Адрес он знал, рылся всегда в бумагах, телефоне... Хорошо, что мы сюда, дальше- Она осторожно обняла Ивана, прикинув к нему всем телом, словно пытаюсь согреться...

Глава седьмая

...Крохотный поселок под Судаком... Светлый и чистый дом в шесть окон, с мезонином и крохотной терраской. В мезонине торчала подозрительная труба и пылились на полках старые книги... Сеня немедля, с головой ушёл в них, медленно проглатывая пирожки с капустой, хватая их с широкого блюда, с желтым ободком, и машинально глядя борзую по узкой морде теплой ладошкой. Он не смотрел на собаку, которая повсюду ходила за ним, как тень. Просто твердо знал, что она не укусит....

– Что это ты читаешь, Сеня? – Марина осторожно наклонилась у него за плечом над тяжёлой книгой в темно – синем, почти что велюровом переплете. Старинное издание, с какими-то морскими картами, градуировкой. Широтой и долготой. Параллелями, румбами. Нарисованным, будто вдавленным в лист, компасом.

Арсений снисходительно пожал плечами и спокойно, задумчиво сказал:

– Это записки помощника капитана из армады пирата – лорда Дрейка. Я не все понимаю, здесь старинные буквы. Это книга еще брата моего деда. Он на войне погиб, в сорок первом году, ему было то всего двадцать.... Бабушка говорила. А еще, знаешь, он вел дневник. С рисунками. Я тебе покажу. – Сеня с готовностью поставил стул и потянулся руками к верхней полке, сдвинув в сторону коричневато – бурые кирпичики старинной детской энциклопедии. За ними стояли толстые сшитые тетради, порыжевшие от времени, почти рассыпающиеся. Но сшиты они были между собой толстой суровой нитью. Навечно.

– Представляешь, он даже какой-то тайный ход нашел. Ответвление в пещере. Зарисовал его. Вот, смотри, – Марина зачарованно уставилась на старую тетрадь, переложенную вощённой бумагой. За ней таились рисунки. Тщательные, почти не выцветшие, фиолетовой, довоенной тушью, со странными, будто сказочными названиями «Капсихор», «Чобан – кале», «Ай – фок».. Старинная башня с зубцами, осыпавшийся склон скалы. Часовня с квадратной колоколенкой. И недра пещеры со змеистыми извилинами ходов.

– Тут пролезать надо чуть ли не ползком, в эти ходы, – Сеня осторожно водил пальцем по рисунку. – Я пытался. Очень трудно. Пришел домой весь грязный, в голове – песочница, ноги в глине. Хорошо, бабуля не видела! Еле отмылся!

В рассказе мальчика сквозил едва скрываемый восторг авантюриста и первооткрывателя.

– Сеня, да ты же сам – вылитый пират! – Засмеялась Марина, сложив ладони шалашиком. – А если бы там что-нибудь обвалилось, в этой пещере?!

– Ну, сразу – обвалилось! – Мальчик опять снисходительно пожал плечами. – Если всего бояться, то ничего интересного в жизни не будет. А как тогда жить?

– А что же ты там видел, в пещере? – Марина, с нескрываемым восхищением смотрела на Сеню, разные глаза которого горели, светились, кипели янтарем, вечерним виноградом, черным золотом.....

– Там карстовые наросты, как фигуры... Одна даже была похожа вот на этот рисунок. Арсений быстро перелистнул несколько страниц и остановился. На них с Мариной смотрел остролицый монах в клобуке, с умными, печальными глазами. «Инок Илия» – старательно, хрипловатым полусшепотом прочитал он чуть кривоватую надпись, выведенную все той же, довоенною, тушью...

– Здорово! – тихонько выдохнула она. – Сколько лет прошло, а смотрит на нас с тобою, как живой, ла?

– Да. – задумчиво кивнул Сеня. –Этот монастырь был разрушен... В войну, наверное,... Вот, только рисунки и остались... Дедушка Миша рисовал клево... А тут он и пишет еще, смотри – ка: «Монастырь был небольшой, с белыми стенами из известняка, смешанного с ракушечником, и возник он, кажется, около моря, на месте крепостного вала или ворот... в мона-

стыре был тайный подземный ход, который вел к морю.. При гемуэцах так спасались жители поселения Капсихор, от воинственных крымчан. Кто избежал пожара, тот прятался потом в пещерах и по морю кораблями и лодками добирался до Турции». – Интересно, правда? – Сеня поднял глаза на Марину. – Сплошные тайны.

– Да... Вот еще бы их разгадать! – Она согласно вздохнула, приподняв плечи. Пойдем, чаю выпьем, что ли? Зябко что – то...

Но они так и не допили чай... Иван со смехом, нетерпеливо повлек ее к морю, точнее, на галечный пляж. И там она, вынув из кармана юбки квадрат телефона, размахнувшись широко, швырнула его в волны...

– Ух ты, а чего это? И не жалко? – присвистнул Арсений, удивившись неподдельно. И коснулся Маринино локтя, осторожно, бережно, совсем не по – детски....

– Нет – Она пожала плечом, перекалывая шпильки в волосах. – Я же новую жизнь начинаю. И ничего старого не хочу.

– Правильно. Давно бы так, – пробасил Иван за ее плечом, с хрустом усаживаясь прямо на гальку... Вдоль ленты берега переливались огни: рестораны, мини – отели, кинотеатры.. Только здесь, за скалами, было тихо, лишь властно шипела волна, падали на море сумерки, почти клубились, будто варился черничный кисель... Издалека, словно из другой жизни, доносились до них обрывки мелодий, какие то аккорды, смех, голоса.. Марина упорно пыталась не вслушиваться, но уловив в воздухе, словно поймав вдохом, выправила искаженную мелодию, совершенно свободно, два высоких звука строковского «Последнего танго». Отец и сын на миг замерли, сидя на гальке, потом оба, в унисон, восхищенно присвистнули:

– Вот это да... Ну и слух...

– Я же – певица! – спокойно и свободно уронила Марина, присев на корточки и пересыпая в ладонях гальку.

Сеня кивнул, потом склонив голову к плечу, с легкой улыбкой, прикрыв глаза, лениво протянул:

– Знаем, знаем... А вот, танцевать тебе – слабо? Петь и танцевать сразу? Ты умеешь?

– Попробую – Она вскочила, тряхнула головой, заколка слетела с волос, но Марина тотчас вернула ее на место, вскинув руки вверх, будто держала бубен, вихрем закружилась на месте, напевая только вполсилы, не во всю октаву, без форшлага, песенку Эсмеральду, маня сначала пальцем, потом обеими руками воображаемую козочку... Или – солнечный луч? Или – волну?

Ее неискушённые зрители этого не знали. Они просто ошеломленно замерли, сминая в ладонях гальку, боясь пропустить хоть одно ее движение, хоть одну ноту, вылетавшую из ее горла, совершенно без напряжения, свободно... Она впервые пела так. Словно в ее горле, в грудной клетке плескалась, ширилась волна.. Волна, перерастающая в море, бескрайнее, не имеющее берегов, очертаний, концов, начал...

Глава восьмая

– Я никогда ночью не боялся.. Просто спал. Это же наш дом был.. Мама с отцом часто ссорились.. Она уходила тогда к тете Вике ночевать, подружке, и я часто один был... Папу ведь могли среди ночи вызвать, и они уезжали на полигон на неделю, а то и больше.. Потом папа возвращался, они мирились.. Знаешь, жизнь, как камушки перебирали, горячие... А камушки остывали.. ...Постепенно. Они и не замечали этого – Сеня вздохнул, глядя в потолок. Локти, торчащие из —за головы, дрогнули, ямки на них обозначились резко...

– А ты замечал, да? – Марина, ласково усмехнувшись, потянулась к его вихрам, погладить. Он резко отвернулся к стене: Потом, сел на тахте, натянул одеяло на колени.

– Замечал. Не веришь, не надо.

– Сеня, я верю, верю. – Она растерянно отдернула руку. – Прости.

– Это – мои родители, понятно? ... Я чувствовал. – Мальчик шмыгнул носом и его каре – зеленый глаз, казалось, засветился в темноте, напряженно, нервно. – Бабушка маму любила. У нее подруга была певица, в хоре ветеранов пела, и на скрипке играла тоже. Потом уехала в этот как его, Израиль, и там умерла. Одна... Ее муж бросил, хотя и старик был... И ее похоронили возле моря... У нас пластинка есть, где Вероника поет для бабушки.

– Вероника? – Марина удивилась непритворно – непривычной фамильярности Сени.

– Она не разрешала называть ее по имени отчеству. Говорила: «Со скуки сдохнешь, Вероника Львовна, фу! Как в зоопарке!». И так смешно нос морщила.. А потом – чихала. На весь дом, представляешь? Даже я так громко не умею... Еще она умела засушивать цветы и делать мармелад. Бабушка говорила, что мама на Веронику похожа очень. Такая же необычная... Ба скучала очень по Веронике. Скучает. – поправился Сеня и тихонько кашлянул. – И все мечтает поехать к ней, на могилу у моря... А я бы не хотел ни на какую могилу! Лучше Веронику живую помнить... Ведь правда же? – Сеня резко подтянул колени к подбородку, и Марине показалось, что глаза его влажно заблестели... И вдруг он начал насвистывать. Неточно, слегка перевирая старинную, забавную песенку савояра, чуть печальную, нежную, временами ей даже думалось, что – прозрачную, если только это слово могло подойти к мелодии, и в давности своей сохранившей трогательную свежесть...

...Прошу я грош за песнь мою
И мой сурок со мною.
Попить, поесть я так люблю.
И мой сурок со мною!
И мой всегда, и мой везде,
И мой сурок со мною...²

Неожиданно для самой себя, тихо, нежно, почти что – шепотом запела Марина, совсем не напрягая горла, звуки журчали, словно пенящаяся в горном ручье, вода – легко, мягко.. Сеня не прекращая насвистывать, не отрывал от нее глаз, потом тронул легко, кончиками пальцев за руку:

– Знаешь, Вероника говорила, что эта песенка счастье приносит тем, кто хоть две нотки знает... Она мне ее пела перед сном, если у нас ночевала. И научила насвистывать... Ба смеялась, говорила, что свистит она, как мальчишка – хулиган...

² «И мой сурок со мною» – Песня савояра, бродячего шарманщика, популярный романс, сочиненный Л. ван Бетховеном на слова И. В. Гете. Со временем мелодия стала популярной музыкальной пьесой, классическим этюдом, знаменитым и без слов... Автор.

– Строгая у тебя бабушка, да? – Марина осторожно притянула к себе вихрастую голову Сени, коснулась пальцами, дуя на волосы.

– Почему? – неожиданно пожал плечами тот. – Нормальная. Тревожится много, но ведь все бабушки такие. Здесь море, скалы, ветра, много разного люда бродит... За всех поручиться нельзя. В прошлом году, когда я жил здесь летом, к нам два раза пытались через мансарду залезть воры... Хорошо, что у нас есть Гей... Она залаяла, и они сбежали...

– Воры?! Зачем? – Марина потрясенно уставилась на мальчика. – Что у Вас братъ то? – По ее представлениям, Ксения Михайловна Азарова, бывший костюмер местной филармонии, жила более, чем скромно.

Всю роскошь ее маленького уютного дома составляли две огромных репродукции Айвазовского над потёртым плюшевым диванчиком в гостиной, коллекция пластинок, полуразбитый сервиз в старом буфете, три бронзовых подсвечника на кабинетном, расстроенном рояльчике, и ещё, пожалуй, огромная, тщательно подобранная библиотека со старинными изданиями Маркса и Вольфа: пушкинский «Онегин» в кожаном футляре, собрание сочинений Бестужева – Марлинского, Одоевского, Чарской, Бальзак, Диккенс, Батюшков, Державин... Но кому все это сейчас было бы нужно?! «Онегин»? Зачем? Грабить, лезть в незнакомый дом, пугать старушку и мальчика? Какой – то абсурд! Она тотчас же, нетерпеливо и горячо, высказала свои сомнения Сене...

– Ты не поняла. Они залезли в мансарду. Искали там саблю Блюхера и дневники дедушки Миши с чертежами тайного пещерного хода.– Терпеливо тихо объяснил Сенья.

Насколько она могла понять, он вообще был очень терпелив и рассудителен, не по годам. Не мальчик девяти с половиной лет, а старший пионервожатый в артековской дружине!

– Саблю Блюхера? Какую саблю Блюхера? Ну, ты еще скажи – Колчака! – Нетерпеливо фыркнула Марина.

– Опять не веришь. Ну и не надо... Просто у маршала была сабля и он подарил ее моему прадедушке. Когда был в Симферополе. На память. Не все об этом знают. Маршала ведь пытали. Он умер от пыток в тюрьме. О нем нельзя было говорить.. Даже и на Дальнем Востоке.

– А при чем тут – Дальний Восток? – опять удивилась Марина. Она не знала, как относиться на самом деле к этому мальчику. Он все больше и больше ее удивлял. Но с ним было безумно интересно.

– Так прадед же служил в Уссурийске.. И папа потом там служил. Там вот даже нашлись какие -то люди, которые про эту саблю слышали... Но ничего не сказали папе. Только вежливо кивали и поили его горячим и горьким чаем... Отец говорит, невкусный. Пахнет жиром и дымом, но с какими то травами, после него пот прошибает и не простываешь.. Я искал, здесь таких нет.. Жаль, да? —

– Конечно! – Марина одобрительно кивнула. – Очень жаль. Надо еще поискать. Может, что и найдем... А тетради дедушки Миши зачем ворам были нужны?

– Ну.. Они же думают, что в пещере – клад... И сабля там тоже.. Глупые!

– А где сабля? – внезапно севшим, хриплым голосом спросила Марина.

– Не знаю точно. Я сам ее ищу. В доме есть тайник... Где – то в стене. Я пока еще не нашел, а бабуля не знает. Она спрашивала у деда, но тот сказал, что не дамское это дело, знать про сабли... – Сенья опять пожал плечами.

– А почему она не спросила у самого твоего прадеда? Ну, у свекра то есть? – ошеломленно поинтересовалась Марина, немного теряясь в нитях родословной странного мальчика.

– Ну, что ты! Она его же не застала. Они с дедом познакомились, а он уже умер... Да. За полгода до этого, что ли... Я не очень знаю... Он был очень раненый, дед.. В госпитале умер... Как-то так...

– А прабабушка твоя? Она знала?

– Не —а.. Она такая была... на рояле играла. Музыка учила. Зачем ей сабля? Ее потом куда то сослали, она умерла рано. Фото есть в альбоме, завтра покажу.. Она красивая, как графиня. Или цыганка, артистка... У нее был еще один какой – то сын в ссылке. От другого человека. И она умерла, когда он родился... Его потом отдали в детдом... Бабушка и дед его все искали, но не нашли, а потом война.. может, детдом разбомбили или перевезли... это.. эвакуировали.. – Сеня зевнул и прижал щеку к подушке, возясь полусонно, под пледом.

– Эвакуировали – осторожно поправила мальчика Марина.– Ладно, давай, спи уже.. Я пойду. Поздно. Интересно как все это. Бесконечно можно слушать.

– Деду писали, что дом детский перевели куда – то сюда, в Крым. Почему они и приехали с бабушкой. К деду Мише. Но не нашли тоже ничего. По всему побережью искали. Просто остались здесь... Влюбились совсем в море... В него же все влюбляются. Оно – такое.– Последние слова Сени Марина услышала уже возле двери, стараясь сделать шаги бесшумными...

Снимок из личного семейного архива автора. Окрестности Евпатории Сентябрь 2020 года.

– Ты эти байки про саблю не больно то слушай! – Ксения Михайловна тщательно вытерла сухим полотенцем серебряную сухарницу... – Мало ли что мальчишке в голову взбредет... Если даже и была у маршала она, так ей место в музее, а не лагах домовых или в пещере какой – то. – Пожилая женщина посмотрела на Марину ясными, изумрудно – светлыми, до влаги слезной, глазами с темным, угольным зрачком, Они были удивительно молоды и устали одновременно, эти глаза... -Он мечтатель у нас, Сенечка, что ты с ним поделаешь! Все мечтает пещеру исследовать, которую Миша описал... Красавец был Мишенька! Под стать Полине Дмитриевне, матушке своей.. Я помню, как увидела ее в первый раз, обомлела. Глаза – олени, с поволокою, дымчатые, как озеро, омутные, волосы колечками, шея лебяжья, щеки такие мягкие...

И Миша в нее, как в каплю то, и вылился... Только когда сердился, глаза темнели, как аметисты делались или небо в грозу... Юный был совсем. И в кости не широкий... Она его баловала, Мишу, все тянула к пианино, а он.. И не противился, и не хотел... Огорчить ее не смел, наверное.. Да.....

– Он вам нравился? – неожиданно, горячо прошептала Марина, в себя, одними губами.

Ксения Михайловна подняла вверх одно плечо, усердно отскребая тряпкой невидимое пятно на матовой полировке стола.

– Да. Ожгло меня. Но понять я, девчонка, ничего толком не успела... Он погиб в сорок втором, свекровь умерла в ссылке, мы жили в разных местах, мотались по городкам и гарнизонам, военные картографы тогда нужны были всюду. Потом вот, осели здесь, как в морскую воду камни. Ивану тогда уже лет пятнадцать было... Он в переплетную мастерскую отдал дневники Мишины, тетради, все пыль сдувал с них, хранитель! – Ксения Михайловна ласково усмехнулась. – А потом у самого жизнь началась кочевая, тут и Соня, и Сеня... И Сеню он втравил в степи, пещеры, запахи, ароматы, тайны всякие... В адмиральские сны, маршальские байки... Все думает его в Уссурийск отвезти... По местам дедовой славы! А какой такой славы? Никто и не ведает толком! Он с маршалом дружил, его потом по допросам все таскали, как арестовали Блюхера, отчего раны старые открылись, и умер быстро. И там, видать, его про саблю дареную спрашивали, да не выпытали никак..... Хорошо, что глаз не вырвали, как у Василия Константиновича.³

– Господи! Вы... Вы откуда знаете это?! – бледнея, Марина осела на стул, чувствуя внутри сердца ожог медленно кипящей, горячей, волной.

– Да Ванечка же и прочел мне как то в книге о маршале – про пытки эти, допросы.. Я и не помню, как слушала, все внутри горело, после Ванечка ругал себя, что читать мне начал, а я не спала две ночи, потом книгу ту сунула, куда дальше, в шкаф. И до сих пор руки трясутся, если мельком на нее гляну... Наравне с фашистами над народом то издевались. Да. А потом еще и войну чуть не проиграли...

Остались в армии после расстрелов да ссылок три с половиною маршала, да два генерала. Это муж мой иногда так шутил, горько и тихо, когда никто не слышал. Вот за них то, маршалов, двадцатилетние орлята и гибли.. Целыми ротами. Батальонами. И Миша наш так погиб.. Где? Под Москвой? Под Вязьмой? Не знаем даже толком... Там целые деревни выжигались.. Котел... – хрипло выдохнула Ксения Михайловна, яростно протирая столешницу. Плечи ее слегка дрожали.

– Марина, вскочив со стула, подбежала к ней, раскинула руки, обнимая...

– Не надо, не плачьте.. Мы их помним.. гордимся.. Значит, они – живые.. С саблями и без них они все равно – герои. Все. Все герои... – Тихо, беззвучно шептала она, глядя обеими руками затылок и голову женщины, в одно мгновение ставшей ей вдруг родною и близкой, е утаенной своей, полудевичьей, полуженской, печалью, слезами горечи и бессильного гнева, несбывшимся улыбками, мечтами, надеждами, развеянной по разным краям и городам жизнью, ранним своим вдовством, неудавшейся до конца судьбой сына и трудным детством внука... Она гладила ее голову, мягкую, беззащитную ямку на затылке, и вдруг, бессознательно начала напевать, почти насвистывать, легонько, дрожанием губ, сама не осознавая почему, странный, полузабытый, из далекого детства, нежный, пронзительный мотив:

...Если я из далеких краев
Слишком долго известий не шлю
Все равно, значит, жив и здоров,

³ О пытках, примененных на допросах к арестованному маршалу В. К. Блюхеру см, например, документальное повествование Н. Т. Великанова «Измена маршалов». Или цикл книг В. Красковой «Кремлевские тайны». Автор.

Просто писем писать не люблю!

Ты, крылатая песня, слетай.
С ветром буйным в родные края.
Все жива ли, как прежде, узнай
Дорогая подруга моя

Коль ей грустно, ты сразу поймешь.
Приласкай, за меня обними...
Понапрасну ее не тревожь,
Только в сердце мельком загляни

Я и сам бы с тобою слетал,
Да с рассветом мне в бой уходить.
Я и сам бы любимой сказал
Что в разлуке невесело жить

И поведать о том не боюсь,
То для нас не большая беда.
Я ведь скоро с победой вернусь,
Не на час, а навек, навсегда

Ты, крылатая песня, слетай
С ветром буйным в родные края
Ждет ли парня, как прежде, узнай
Дорогая подруга моя.⁴

Он совсем не подходил ее властному и глубокому меццо – сопрано, этот дрожащий, пленительный, альтово – хрупкий, романс, словно нежная, голубоватая бусина дрожащий жемчужно в горле, но она пела, полно раскрывая ноты, на весь вдох, и слова приобретали какой то новый оттенок, новый смысл, полный сокровенной печали, тепла, прелести, памяти... Солнечные лучи плавляли квадраты линолеума на полу, плясали на дырчато – нежном, блекло – палевом кружеве занавесок.. День вступал в свое полное право: ноябрьский, мягкий, слепяще —затаенный, янтарный, здесь, в южном городе и падал нежными отблесками на две фигуры за окном, словно хотел защитить, уберечь, смягчить, укрыть.. От чего. Никто не сумел бы сказать определенно... Никто...

⁴ Романс из кинофильма «Жди меня» на слова К. Симонова. Звучит в исполнении актрисы В. Серовой. И фильм, и романс стали культовыми в годы войны. До сих пор исполняется в концертах современными певицами, таким как Нина Шацкая, Инна Разумихина (автор).

Глава девятая

...Бартолли, в зеленом бархате, с оголенными плечами, и почему то окутанная черным гипюром, будто бы пленительная статуя Кановы, снилась ей вновь и вновь.

Темноглазая «фурия оперы» беззвучно, как рыба, открывала рот, и тотчас же испуганно прижимала палец к губам, показывая глазами в сторону дирижера, к руке которого почему то был прицеплен фонарик.

И от этого уютного фонарика дирижер сильно походил на сказочного, волшебного гнома в темной пещере... Он не повернулся в сторону певицы ни разу, а она все округляла глаза, как будто бы смертельно боялась чего то немислимого, бывшего в темном углу, за кулисой. Иногда это что то выступало оттуда и тотчас же оказывалось холодной маской – баутой, с чертами Загорского, надменными, насмешливыми, какими – то слегка потусторонними.

А иногда это лицо – маска совсем дерзко оживало, кривило губы, они атели, подбородок удлинялся, и все тотчас же сводилось при пробуждении к нестерпимому воспоминанию о той поездке в Венецию, когда она почувствовала хребтом, звериным чутьем, чем то неведомым внутри, трепетом сердца, что скоро все станет иначе, просто нужно напрячься... немного напрячься...

...Когда Загорский напивался, то не интересовался ею, не зверел, его агрессия уходила в винную дрему, и тонко подметив это, она часто, за вечерней, поздней трапезой, после спектакля, подливала ему в бокал вина. Себе она, разумеется, наполняла бокал тоже, но отпивала только – чуть, согревая горло, сразу отодвигала стул, шла, почти бежала, к роялю, играла связками и горлом, дразнила слух ревнивого тенора, он пьяно фыркал, раздражался грязными ругательствами, швырял со стола посуду, бокалы, вилки, жадно опорожнял бутылку – другую, и часто засыпал прямо за столом, в кресле, на диване, поперек кровати.. Ей было все равно, где он пьяно забывался. Все равно...

Она ведь тогда могла спокойно спать на краешке кровати, поджав колени к подбородку, в невинной позе младенца... И этот маленький кусочек сонной свободы был ей дорог... А бокал вина....

Она как то подумала, мельком, что бокал просто – напросто был мезтью Загорскому: изощренной, тонкой, почти красивой.. И тотчас одергивала себя. Разве мезть может быть красивой? Она не для этого создана богами. Богом?

– Нет, – качал головой Иван, когда она рассказывала ему об этом. – Мезть холодна, горька, даже если ты как – то приправляешь ее медом прощения, давности, как редьку... Тебе что, нравилось, что ли, его дразнить? Власть свою ты так чувствовала, фурия?! – с этими словами он, тихо смеясь, опрокидывал ее на подушку, скрывая неподдельное, чуть настороженное, восхищение.

– Он однажды мне два ребра сломал, я пела в корсете, какая фурия?! – Марина глухо роняла слова, закусывая до крови рот, и отдвигая от себя его настойчивые руки и губы... – Это он надо мною власть чувствовал, когда оскорблял, когда пела для него, ноты считывала со старых пергаментов... Я их как то чувствую, эти старинные ноты, даже – недописанные. Петь это все, что я могу. Видеть едва проступающие нотные знаки на старинных свитках... Я даже могу представить, как писались они этим узкогрудым хитрецом Антонио. А знаешь, он мог кого- то убить, Антонио? Ну, ради нот хотя бы?

– Вивальди? Чушь какая! Калеке, такому сердечнику, зачем убивать? – Иван морщился, тер переносицу. – Что ты выдумала, фантазерка! Спи, завтра встанем рано.

– Почему? – она осторожно отодвигалась к стене, как бы ища защиту у теплого дерева. – Зачем рано?

– Я тебя показать хочу одному приятелю... Тут. Местный бог музыки. Ему в филармонию солистка нужна...

– Не пойду. Филармония, концертный бомонд. Газеты начнут сплетни писать. Загорский меня быстро найдет и убьёт.

– Мариша, ну вот, на кой ляд ему тебя убивать? – Иван нетерпеливо дернул бровью, его скулы напряглись – Если уж он тебя сразу не прибил... Не обижайся, но такие, как он, на баб плевали вообще, помнят пару дней, потом замену быстро ищут... А ты же не Лиз Тейлор, в конце концов... Ну, не обижайся, чего ты?! – Иван в недоумении смотрел на запрокинувшую голову Марину. Плечи ее вздрагивали от смеха...

– Нет, нет, ты прав, Ванечка! —Она утирала со щек слезы. – Я – не Тейлор. Я покруче буду. Еще покруче... – Она внезапно оборвала смех, и ее голос резко взлетел мощной фиоритурой в « Аллилуйя», вивальдиевском, тонком, нотном капризе, без всякой подготовки, тотчас же переходя в прихотливую печаль мягких фаринелиевских нот арии Генделя.

...Звякнула в старом буфете, в негодовании раскалываясь пополам, сервизная чашка, и хрустальными, острыми брызгами рассыпалась на стареньком кабинетном рояле ваза, полная иголок белоснежных астр, последних в палисаднике Ксении Михайловны. Теплое меццо – волнами взлетало то вверх, то вниз, не напоминая птичий щебет, нет, скорее властное заклинание сирены морской пене, бездне, ветру, ливням... всем стихиям природы, даже огню маяка, мерцающему где – то вдаль, у невидимого берега... В буфете жалобно простонала еще одна чашка, хрустнули осколки очередной подвески в люстре... Послышалось шлёпанье босых детских ног и восторженное хрипеньё Арсения, перемешанное с сонным ворчанием:

– Офигеть, Вы чумовые! Три часа ночи, спать давайте, а? Бабуля от неожиданности даже веник сломала. Говорит, что так только одна певица пела, но мы ее не знаем. Карина, что ли?.. У нее есть пластинка, треснутая уже... Если она не сломается, послушаем завтра... Ну Вы даете, блин! А ты Марина, правда, не Тейлор... Круче еще. Тейлор ведь не пела. За нее другие рот открывали! – хихикнув, Арсений со стуком прикрыл стеклянные двери, почти что выпрыгнув в прихожую, на голос Ксении Михайловны:

– Ложись, пострелёнок, завтра мне помощник нужен, после сегодняшнего бенефиса осколки по всему дому собирать!

Старушка, кажется, совсем не сердилась. Или Марине так показалось? Хорошо, что дом Ксении Азаровой стоял на отшибе и выходил фасадом в тупиковый угол прибрежной улицы, где почти не было людей ни вечером, ни ночью... Им просто повезло. Мансарда смотрела фонариком большого окна лишь на сонно дышащее море, да мерцающие сердито звезды...

Глава десятая

...Венявская, казалось, совсем и не обращала внимания на его неподдельный гнев.

Сидела, спокойно пила кофе, медленными глотками, потом поставила чашку на блюдце, так что оно будто бы хрустнуло. Не звякнуло, а именно – хрустнуло.

Загорский яростно свел челюсти, едва взглянув на разбросанные на столе бумаги. Сжал кулаки и вновь нервно заходил по комнате, кругами, как большой зверь. Пружинисто, мягко, досадливо, бесшумно...

Свет бегло скользнул по потемневшему золоту рамы портрета позабытой примы итальянской оперы.

– Черт, Галина Германовна, вы должны помочь мне найти ее!

– Чего же это ради? Марина – свободный человек, она могла уехать, уйти, куда угодно...

К родным, к примеру. Вы там искали? – Венявская холодно изогнула бровь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.